

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Вероники Ивановой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

УЗКИЕ УЛОЧКИ ЖИЗНИ

ЗВЕНЬЯ ОДНОЙ ЦЕПИ
НИТИ РАЗРУБЛЕННЫХ УЗЛОВ
ГОРНЫЕ ДОРОГИ БОГА

Цикл
«ТРЕТЬЯ СТОРОНА ЗЕРКАЛА»

И МАЯТНИК КАЧНУЛСЯ...
НА ПОЛПУТИ К СЕБЕ
ВЕРНУТЬСЯ И ВЕРНУТЬ
ПРАВО УЧИТЬ. ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО
СВОБОДА УЙТИ, СВОБОДА ОСТАТЬСЯ
ПРАВО УЧИТЬ. РАБОТА НАД ОШИБКАМИ
РАСКРЫТЬ ЛАДОНИ
ПРАВО БЫТЬ

Вероника ИВАНОВА

ГОРНЫЕ ДОРОГИ БОГА

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
И20

Серия основана в 2004 году
Выпуск 388

Художник
В. Бабкина

Иванова В. Е.
И20 Горные дороги бога: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 441 с.: ил. —
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1038-5

Радушный хозяин примет любых гостей: званых, незваных, добрых и наоборот, никогда ведь заранее не узнаешь, кто переступит твой порог. Бывает, приходят и те, кто норовит исподтишка или силой занять хозяйское место, полагая чужую жизнь лишь полем для собственной беспечной игры. Впрочем, такому гостю рано или поздно укажут на дверь, будь он хоть демоном, хоть богом. Потому что в этом доме уже есть один хозяин: человек.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1038-5
© Иванова В. Е., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Все на свете вершится за плату:
Где-то больше отдашь, где-то меньше.
День за днем неизбежные траты
И мужчин настигают, и женщин.

Кто-то прячет кошель, чтобы вдвое
Уплатить изначальную подать,
Перепутав свое и чужое.
Кто-то честно расходует годы,

Силы, страсти, надежды, измены,
Но ни капли, ни щепоти лишней!
Ведь и тот, и другой знают цену
Всем минутам отмеренной жизни.

Помнить каждый свой счет до монетки —
Дело дельное. Дело благое.
Но и в мире расчетов нередко
Можно встретить... Изгоя? Героя?

Он улыбчивым будет. И хмурым.
И беспечным. И полным сомнений.
Ночью. В полдень. Под вечер. Наутро.
С болью. С песнями. Но неизменно

Без сокровищ, принцесс и драконов:
Подвиг — радость шальных одиночек.
Он живет по простому закону:
Если можешь, то делай.
И точка.

ШАГ ПЕРВЫЙ

Где-то здесь...

Места заключения всегда похожи друг на друга чем-то неуловимым, но успешно добирающимся до того уголка сознания, который лучше других умеет отчаиваться. И если вовремя не отвернуть в сторону, не постараться уйти с дороги безжалостно накатывающего страха, можно потерять все, чем обладал. Или, что еще хуже, потеряться.

Керр Крон со-Логарен знал это правило наизусть, однако, когда дело дошло до практического применения знаний, с удивлением понял: не так-то просто самому исполнять собственные приказы. Вот учить — да, значительно проще. А еще проще командовать, нашлось бы только кем. Впрочем, в том, что касается обилия послушных подчиненных, человеку, носящему на груди золотой знак, жаловаться точно было бы грешно. Да, все еще носящему, и это, пожалуй, удивляло даже больше, чем внезапно накотившее ощущение бессилия перед равнодушным лицом обстоятельств.

Керр дотронулся кончиками пальцев до полотняной складки, в которой пряталось драгоценное, тяжким трудом заслуженное звено. Он и сам не смог бы себе объяснить, зачем делает это время от времени. Чтобы снова и снова убеждаться: оно все еще тут? Или чтобы однажды не обнаружить под рукой затейливо сплетенную металлическую фигурку и наконец вздохнуть спокойнее?

Стыдно было признать, но сирота, волей случая и мановением руки высокопоставленных персон поднявшийся над многими не менее достойными жителями Дарствия, втайне надеялся, что рано или поздно наглухо закрытая тюремная дверь откроется и через нее войдет тот, кто наделен правом возвращать блудные Звенья обратно. В цепь, которую, как

гласит легенда, сковал лично первый Дарохранитель Логарена. Конечно, после расставания с золотым знаком Керра могла ждать только немедленная и неотвратимая смерть, но умереть он не боялся. Куда более страшной казалась возможность вновь услышать хорошо знакомые приказы и... покорно подчиниться.

Любая служба со временем изматывает, а та, что приходилось исполнять золотозвеннику, и вовсе не помышляла щадить своих исполнителей. Он устал почти сразу же, на втором или третьем году обретения высшего чина, но даже усталость и прочие утомительные чувства скоро померкли перед простым и ясным фактом: из замкнутого круга Цепи миротворения можно выйти только ногами вперед. Правда, как быстро выяснилось, смерть еще надо заслужить, вымолить или украсть, ведь к услугам Звеньев предлагались все возможные средства как защиты, так и нападения.

Керр уже довольно давно старался избегать употребления причудливо выглядящих и еще более странно пахнущих зелий, благо имел право почти никому не разъяснять причины своих решений и поступков. А пока рядом находилась Элса, избегать предписанных процедур было совсем просто. Но она могла уйти и ушла, едва возник подходящий случай. Не захотела принимать золото, счастливица...

Светильник, закрепленный в решетчатой корзинке, мигнул. Значит, прошло еще три или три с половиной часа. И если сложить их с теми, что минули прежде, получаются новые полные сутки. Девятые.

Вряд ли тюремщики желали таким образом сообщать Керру о течении времени, но приносить в камеру настоящий огонь явно побоялись. А с другой стороны, оставлять узника в темноте было еще опаснее. Мало ли что может учудить?

Впрочем, чудить золотозвенник как раз не собирался, несмотря на все, что случилось несколько дней назад. О нет, разумеется, ему до смерти было любопытно узнать, от чего именно лицо Андары шло багровыми пятнами, когда подруга детских лет, срываясь на визг, пролаяла приказ об аресте. Кое-какие догадки конечно же имелись, но Керр хотел все знать точно. Потому что от точности зависело единственное решение, которое он должен был принять: продолжать жить или отправляться на поиски смерти.

В дверном замке что-то звякнуло, натужно проскрипело, настороженно смолкло, и прошла почти минута, прежде чем к бледному гнилушечьему свету добавился другой, живой и горячий. Свет факела, дрожащий за спиной человека, слишком хорошо знакомого Керру. Человека, который мог оказаться в стенах Паучьего гнезда только в одном из двух случаев, причем оба вызывали вопросы, и весьма тревожные.

Золотозвенник даже невольно подался вперед, словно это могло помочь лучше разглядеть неожиданного посетителя и особенно складки его камзола в том самом месте на груди...

Знак был там.

Керр снова оперся спиной о стену, пытаясь понять, успокоило ли его увиденное или, напротив, разволновало еще больше. А старый знакомец, качнув ладонью в сторону кого-то из тех, кто оставался вне поля зрения узника, переступил порог камеры.

Надо сказать, входил он осторожно, несвойственно своему возрасту и тем более своему нраву. Да и длинноносое лицо, пожалуй, никогда не выглядело настолько сосредоточенно-напряженным. Даже когда Киф Лефер оказывался в обстоятельствах, из которых не знал, как выбираться. А сейчас создавалось впечатление, что Цапель, наоборот, четко представлял, что нужно делать, и пусть это его не радовало, зато решимости он был полон. Под завязку.

— Какими судьбами? — спросил Керр, стараясь не слишком внимательно смотреть на вошедшего, потому что допускать: смотрит не он один, а значит, не только он может заметить то, что должно оставаться тайным.

Киф выдержал паузу, на протяжении которой по-прежнему немигающе изучал лицо своего начальника, временно отстраненного от несения службы, и глухо сказал, оставляя заданный вопрос без внимания и вместе с тем отвечая на него полнее, чем можно было пожелать:

— Вас ожидают.

Уточнений конечно же не последовало, но и так было понятно: длинноносый пришел вовсе не с дружеским визитом. Впрочем, это снимало хотя бы один камень с души Керра. Больше всего прочего золотозвенник опасался, что Кифа тоже лишат свободы передвижения, а может, и кое-чего еще. Кое-чего, с недавних пор необходимого парню для продол-

жения жизни. А уж дальше все зависело от фантазии тюремщиков. Правда, она зачастую быстро сводилась к одному и тому же представлению, малоприятному как для участника, так и для вынужденного зрителя.

— Извольте поторопиться, — вдруг добавил Цапель, и тон его голоса заметно понизился.

В обычное время подобный сигнал призывал быть готовым к началу действий, сейчас же...

Керр охотно поднялся на ноги, стряхивая со штанов соломинки, и сделал ровно столько шагов, чтобы оказаться немногим дальше, чем на одной линии с Кифом.

— Не дури.

До двери прошептанные слова не должны были долететь, а вот до слуха того, кому предназначались, добрались беспрепятственно, в этом золотозвенник был уверен.

— Шагайте!

Керр выполнил приказ, ступая под низкие своды узкого коридора. В таком двоим людям было не разминуться, не задевая друг друга, но и здесь не обходилось без стражников, молчаливо замерших в нишах по обе стороны через каждые двадцать шагов. Впрочем, эти люди находились на своих постах вовсе не для того, чтобы бросаться в погоню за беглецами: их задачей было опускать решетки, многократно перегородивающие проход, и... оставаться на месте, потому что путей к отступлению предусмотрено не было. В каком-то смысле именно эти несчастные и являлись настоящими узниками самых глубоких подземелий Наблюдательного дома, тех, что уходили далеко-далеко от стен угрюмого здания.

Первый раз попав сюда еще в самом начале службы, Керр задавался вопросом, как долго человек может выносить бесконечное бдение в полутьме, способное в любой миг закончиться гибелью. Потом перестал, особенно познакомившись с действием некоторых зелий, сваренных исключительно для употребления безымянными стражами.

— В коридоре ничего не предпринимаем, — торопливо шептал Киф, выбирая момент, когда оказывался примерно в серединной трети расстояния между нишами. — Но на выходе будьте готовы... Ко всему, что может случиться.

Золотозвенник очень хотел повторить предупреждение, произнесенное еще в камере, но сейчас слова улетели бы впе-

ред вместе с потоком воздуха, разогнанного особыми насосами, позволяющими беспрепятственно дышать глубоко под землей. Поэтому пришлось ждать, пока коридор, медленно приподнимающийся на всем пути следования, закончится круглой площадкой с куда более широко разнесенными друг от друга стенами. И одной-единственной дверью.

Здесь просто обязаны были быть устроены наблюдательные глазки и всевозможные слуховые устройства, но это было и последнее место, пригодное для разговора, а значит, приходилось рисковать. Керр шагнул назад, едва не наступив на носки сапог своего конвоира, и шепнул еще раз, молясь и надеясь, что движение губ останется незамеченным:

— Только по моему приказу.

Сзади раздалось быстро стихнувшее возмущенное сопение, и золотозвенник удовлетворенно улыбнулся.

Он мог бы многое сказать Кифу, но не был уверен, что тот поймет поведение своего бывшего наставника. Керру было плевать на камеру, полутемные голодные сутки и все остальное. Но то, что прячется за закрытой дверью...

О, он готов был дорого заплатить, чтобы заглянуть туда! Отдать жизнь, да и вообще отдать все что попросят, только бы удовлетворить свое любопытство. А самое главное, чтобы удостовериться, что все предыдущие шаги, в том числе и сделанные в глухой тишине узкого коридора, вели в верном направлении.

— Ну что же они тянут...

Керр, в отличие от своего сопровождающего, предпочитающий без надобности не сотрясать воздух словами, усмехнулся.

Конечно, тянут. Не могут иначе. Дверь открывается с помощью давления воды, а раз длинноносый совсем недавно проходил через нее, запорные сосуды могли и не успеть вновь наполниться до нужной отметки. Впрочем, Кифу простительно не знать таких тонкостей: даст Бож, это будет его первое и последнее посещение подземного лабиринта.

Еле уловимое шипение прозвучало ровно за вдох до того мгновения, как менее выдержанный из двоих золотозвенников мог решиться на совершение глупостей. Створки разъехались в разные стороны, и Керр невольно зажмурился, встретив взглядом дневной свет.

Все входы в подземелье, как правило, располагались в тихих уголках столицы: неприметных домах с обширными и малоухоженными садами, глухих кварталах, граничащих с крепостными стенами, и прочих укромных местах, где жило мало людей и могло оказаться еще меньше любопытствующих зевак. Но имелись и исключения, выводящие напрямиком на третий этаж одного из особых крыльев Наблюдательного дома.

За дверью не оказалось ни одной живой души, только комната с высокими окнами, за которыми вовсю светило солнце, подбиравшееся к зениту, но даже Киф, явно предполагавший встретить здесь внушительную охрану, не успел удивиться или заподозрить неладное. Дверные створки, находящиеся по правую руку от золотозвенников и выглядящие вполне привычно по сравнению с предыдущими, услужливо распахнулись, и голос, должно быть еще в материнской утробе привыкший командовать, велел:

— Входите!

Вот оно. Сейчас все выяснится. Сейчас все решится...

Нетерпение качнуло Керра в сторону открывшейся двери, но полного шага не получилось: плечо хрустнуло под цепкими пальцами длинноносого.

— Я не смогу вытащить тебя оттуда.

— Знаю.

— Но из этой комнаты еще можно уйти.

— Знаю.

— Ты сказал: только по твоему приказу. Так приказывай!

Золотозвенник улыбнулся, одновременно радуясь и печальясь тому, что Киф не видит сейчас его лицо.

— Мне нужно быть там.

— Ты понимаешь, что, скорее всего, не вернешься?

Он понимал и это, и многое другое. А еще лучше он знал, что будущее имеет значение только для божественных наблюдателей, глядящих на мир с небес, а человек должен жить настоящим. Керру нечасто удавалось применять это простое наблюдение к собственной жизни, но сейчас именно оно оказалось бы как нельзя кстати.

— Я все еще жив, верно?

— Это может закончиться в одно мгновение.

— Любая жизнь когда-нибудь кончается.

— Ты хочешь умереть? — недоуменно и слегка обиженно спросил откуда-то из-за спины Киф.

— Конечно нет. Я всего лишь хочу кое-что узнать.

— И кому будет нужно твое знание, если оно исчезнет вместе с тобой?

— Оно нужно мне, парень. Мне. Больше всех других. Ты поймешь. Когда-нибудь.

Эти слова вряд ли что-то объяснили длинноносому, но тот разжал пальцы, буркнув:

— Делай как хочешь.

И Керр, отправляясь навстречу уже порядком заждавшемуся настоящему, снова улыбнулся. Потому что впервые за многие годы и в самом деле поступал именно так, как того хотел.

* * *

Можно сказать, зала была пуста: два человека и одно кресло на голых каменных плитах только подчеркивали ее внушительные размеры, но не наполняли собой и сотой части неожиданно огромного пространства, скрывающегося за скромной дверью.

Стражи при входе не наблюдалось, однако, стоило Керру перешагнуть порог, створки захлопнулись, отрезая путь к отступлению. Надо сказать, не единственный: далеко впереди виднелась еще одна дверь, правда, до нее еще нужно было добраться, а золотозвеннику почему-то не верилось, что подобное намерение будет легко осуществить. Даже если люди, присутствующие в комнате, не станут мешать.

Он предполагал увидеть целое судилище, непременно с участием разгневанной Андары и ее многочисленных заступников и приспешников, а вместо этого подошел, намеренно чеканя шаг, к странно выглядящим, но явно находящимся на своих местах незнакомцам. Впрочем, один из них, старик, сидящий в неприлично широком кресле и все же занимающий его почти целиком, не нуждался в представлении. О его статусе красноречиво говорила цепь, тяжело спускающаяся на грудь и разноцветно поблескивающая поверх темной ткани старомодного камзола.

Любой ювелир, которому показали бы это украшение, го-

рестно схватился бы за голову и вынес бы нелестный вердикт о создавшем его мастере, потому что звенья, составлявшие цепь, были чудовищно разными. Во всех смыслах.

Да, металл, из которого они ковались, во все времена назывался золотом, но привычной глазу желтизны здесь было маловато. Совсем светлые, почти белые, густо-красные, отчаянно-рыжие, что называется, на любой вкус, звенья отличались друг от друга не только цветом. По некоторым было заметно, что они совсем новые, едва вышедшие из-под молота, и в то же время их непосредственные соседи явно помнили прошедшие века, вполне возможно, близкие к основанию Дарствия. А еще каждое из звеньев могло быть в любой миг разомкнуто, чтобы покинуть цепь.

Когда-то, не так и давно, если припомнить, Керру была вручена как раз одна из этих причудливых загогулин. При чем обошлось без торжественности и прочих приличествующих знаменательному событию пышных церемоний: просто молча поставили на стол маленькую шкатулку. Предложили. И он мог отказаться, что самое забавное. Мог повернуться, уйти, и никто не сказал бы слова против.

А ведь уйти хотелось. Хотя бы в отместку за то, что самый важный в жизни момент, как тогда представлялось, был безнадежно испорчен нарочитой будничностью происходящего. Он-то представлял себе, что получит звено из рук самого...

Только потом, ловя обрывки сплетен и сказок, витающих под сводами Наблюдательного дома, Керр понял, что однажды обязательно встретится с кователем Цепей. Уже вне зависимости от своего желания: когда придет время возвращать имущество, которым пользовался, истинному владельцу. И возможно, урочный час вот-вот должен был наступить.

Глаза старика были прикрыты в полдневной дреме, а может, морщинистые веки вовсе не желали открываться по пустякам, и, когда золотозвенник подошел к креслу, кователь оставался по-прежнему недвижимым. Могло даже показаться, что он давно отошел в мир иной, и надо было очень внимательно присматриваться, чтобы все же уловить мерное движение грудной клетки, заметное исключительно по мерцанию звеньев, разными боками попадающих под свет свечей.

Окон здесь не было. Ни одного. И тем страннее выглядела

эта огромная комната, особенно по сравнению с предыдущей, не нуждавшейся в дополнительных светильниках. Зато на свечи здешний хозяин не скупился: они крепились на стенах так густо, что их огоньки сливались в одно цельное кольцо. В свою собственную жаркую цепь...

Второй из незнакомцев, стоявший за креслом кователя, вышел вперед, только когда Керр оказался на расстоянии нескольких шагов. Молодой, чуть ли не моложе Кифа, он тем не менее выглядел так, что вопрос о его возрасте возникал лишь для того, чтобы тут же бесследно исчезнуть. Возможно, этому способствовала одежда, такая же старомодная, как и стариковская, но явно пошитая совсем недавно. А может быть, причиной иллюзорной древности была усталость, облюбовавшая каждую черточку юношеского лица. Усталость, не свойственная молодости. Впрочем, глаза смотрели зорко, даже поблескивали, и в какое-то мгновение золотозвеннику подумалось, что зайчики свечного пламени тут вовсе ни при чем.

Первой фразой должно было прозвучать излюбленное всеми дознавателями: «Догадываетесь, зачем вы здесь?», и Керр давно уже придумал с десяток подходящих ответов, но домашние заготовки пропали втуне, потому что юноша скрестил руки на груди, чуть наклонил голову, словно намеревался боднуть собеседника, и спросил:

— Итак?

Невинный вопрос перевернул все с ног на голову. Теперь получалось, что это золотозвенник по собственной воле и дерзости пришел сюда, чтобы весьма занятых людей отвлекать своими...

А чем, собственно?

— Что вы хотите услышать?

— То, что вы захотите сказать, — охотно пояснил юноша, поправляя прядь темных волос, сползшую на лоб.

Понятно было лишь одно: если прощание с жизнью и намечалось, то вряд ли на ближайшие часы, потому что из троих человек, находящихся посреди просторного зала, ни один никуда не торопился.

— Ну же, не смущайтесь! Я мог бы задавать вопросы, но ведь вам привычнее говорить без понуканий, не так ли?

Смущение? Этого чувства Керр не испытывал настолько

давно, что забыл о его существовании. И все же старомодно одетый юноша был прав: что-то очень похожее грузом висело сейчас на кончике языка золотозвенника, мешая вступить в привычную словесную игру. Что-то странно близкое к роботости. Хотя с чего тут робеть? Спящий в кресле старик не представляет никакой угрозы, мальчишка — тем более. Так откуда же взялась вдруг эта странная слабость в ногах?

Однако, как бы то ни было, пропустить атаку в самом начале схватки не стыдно. Особенно если она помогает перейти из защиты в нападение.

— От одного вопроса я бы точно не отказался. Если позволите.

— Хорошо, — кивнул юноша, правда, облегчить задачу Керра даже не попытался: — Почему вы нарушили правила?

Обвинение? Что ж, пусть. Без вынесенного приговора оно ничего не значит.

— Потому, что нужно было действовать быстро.

— Хотите сказать, годами сочинявшиеся инструкции существенно замедляют дело?

Спрошено было не с издевкой, которую можно было ожидать, а с искренним интересом, окончательно запутывающим происходящее. Керр готовился к натиску, отповеди, необходимости оправданий, а получил вполне приятельскую беседу. Вот только это дружелюбие пугало почему-то намного сильнее, чем обычный допрос.

Человек в старомодной одежде хотел что-то узнать, но не для следствия, а для себя самого. Потому что, похоже, обладал необходимыми правами.

— Не всегда. Но бывают случаи... Да, бывают, — уже увереннее повторил золотозвенник.

— Если вас не затруднит, опишите их. Не сейчас, потом! — махнул рукой юноша. — Время на бумажные занятия еще найдется. Итак, требовалось действовать быстро? Хорошо. Согласен. Проведение приказа по всем уровням — тягомотина, знаю. Но это нарушение было лишь первым из всех прочих. Или я ошибаюсь?

Бесцеремонно подвинув руку старика, он присел на подлокотник кресла, словно хотел показать, что готов слушать дальше. Всю историю, какой бы долгой она ни была.

— Выбор исполнителей стал мне ясен, как только выясни-

лось, где именно скрывается беглянка. Та южная провинция отличается особым отношением к демонам и производным от их плоти и крови, поэтому отправлять кого-то из Звеньев на поиски я счел неразумным.

— И тогда в Катралу отправились охотник на демонов и человек, уволенный со службы по достижении граничного возраста, — задумчиво протянул юноша. — Это, по-вашему, разумное решение?

— Да.

— Поясните.

— Охотник умеет управлять своими возможностями и не вызывать подозрений до момента, когда нужно начинать действовать. А Смотритель, о котором вы вспомнили... У него есть одно значительное преимущество перед многими людьми, если не перед всеми.

— Было.

Невинная поправка прозвучала именно с той долей равнодушия, которая заставила Керра вздрогнуть и хрипло переспросить:

— Было?

— Он впустил в себя демона, — объяснил юноша, с явным удовольствием наблюдая за застигнутым врасплох собеседником.

— Он... этого не может... ни один демон не смог бы...

— Вы плохо слушаете. Впрочем, могу понять: волнение и все такое. Я сказал «он впустил в себя демона», а не «его захватил демон». Улавливаете разницу?

Вот это новость!

Последнее, что знал золотозвенник, была просьба о помощи, отправленная Иттаном. И никаких подробностей, кому и какая именно помощь понадобилась. А потом в исполнении озлобленной женщины прозвучал приказ об аресте. Конечно, судя по ярости бритоголовой Андары, на другом краю Дарствия должно было случиться нечто из ряда вон выходящее, но чтобы настолько...

Зато теперь понятно, о чем просил охотник. Только все это очень плохо.

Неужели он не смог справиться сам? Верится с трудом. Как бы ни поступил Смотритель, чем бы ни было продиктовано его странное решение, против Иттана ему было не вы-

стоять. Ни при каких условиях. И тем более если уж принятие демона было осознанным...

Их обоих ждала только скорая смерть.

— Вижу, известие вас расстроило? Не волнуйтесь, все уже кончено. По крайней мере, в отношении ваших посланников.

Конечно, кончено. Один попросту мертв, а второй...

Неужели с ним тоже что-то случилось?!

— По свидетельству Андары Присс со-Логарен разделение человека и демона прошло успешно. Правда, не совсем так, как предполагала сия достойная женщина. Вернее, совсем не так. Вам что-нибудь известно об исследованиях Цепи одушевления по вопросу управления демонами?

Керр кивнул, проглатывая очередной десяток заковыристых ругательств.

— И что вы о них думаете?

Вопрос снова был задан тоном, выражающим неподдельную заинтересованность, как будто юноша собирался принять какое-то важное решение, а потому нуждался в большом количестве мнений. Причем очень разных.

— Они могут помочь в войне с демонами, — выдавил золотозвенник сквозь зубы.

— Слишком осторожное заявление. Вас чем-то беспокоят эти новинки?

— Да.

Подтвердив вслух выстраданное предположение, Керр умолк. Впрочем, ненадолго. Всего лишь до следующего, еще более заинтересованного:

— Итак?

Пожалуй, его впервые так подробно расспрашивали о вещах, не допущенных к повсеместному упоминанию. Конечно, в мимолетных беседах то одно, то другое Звено невзначай намекало о далеко продвинувшихся исследованиях синих мантий, словно ожидая реакции, но Керр не торопился показывать свое истинное отношение к деяниям Андары. Даже сейчас. Даже если бы ему пообещали, что следующий ответ решит, жить золотозвеннику или умереть.

Даже выстраданный и ненавистный ответ:

— То, что создает Цепь одушевления, сравнивает наши силы.

Человек, присевший на подлокотник кресла, правильно

понял настроение собеседника, потому что спросил теперь уже напрямую:

— Что же в этом плохого?

— Оно сотрет грань между человеком и демоном. — Золотозвенник никогда не говорил о своих опасениях при свидетелях и не доверял бумаге, поэтому произнесенные слова даже ему самому вдруг показались нелепыми, но он все равно упрямо повторил: — Сотрет грань.

Юноша потер согнутым указательным пальцем щеку:

— А может быть, таков и должен быть конец пути? Слияние, полное и безоговорочное. Люди, наделенные почти божественной силой... Разве не замечательное будущее?

Он размышлял отстраненно, уже почти безо всякого интереса, скорее обреченно, будто перекресток сотни дорог превратился в тупик, по которому можно пройти еще несколько шагов, но потом только и останется, что разбить голову о стену. А еще он делал дурные выводы, возможно, именно потому, что многого не знал, и Керр многозначительно напомнил:

— Демонов не хватит на всех.

— А если хватит? — задумчиво предположил юноша. — Представьте, что их окажется ровно столько же, сколько людей. И каждый получит по своему собственному послушному исполнителю желаний. Чем не счастье?

О такой возможности Керр никогда не думал. По одной простой причине, понятной любому человеку, но именно поэтому часто остающейся в тени высокоумных рассуждений.

— А что потом? Будут рождаться новые люди. Непременно будут. Как поступать им?

— Ждать своей очереди.

— Терпение присуще не всем из нас. Вряд ли сын согласится подождать, пока отец умрет своей смертью и передаст фамильного демона по наследству. Так ведь и вся жизнь может пройти... Мимо.

Юноша прищурился, но его глаза каким-то необъяснимым образом все равно продолжали сверкать, пожалуй, даже ярче, чем прежде, когда в них отражались огоньки свечей.

— А вы терпеливы?

— Не знаю, — честно ответил золотозвенник. — Мне еще не предоставляли такого выбора. Предоставят — пойму.

— Что поймете?

— Какой я на самом деле.

— А есть варианты? — В голосе собеседника снова прорезался интерес.

— Надеюсь однажды оказаться человеком. Когда это понадобится.

— Человек... — Юноша встал и почему-то повернулся к Керру спиной, но и не подумал закончить беседу. — Что вы слышите в этом слове?

— Ничего особенного.

— Но оно чем-то важно для вас?

Никакого обвинения. Никакого наказания. Уже довольно долгое время было понятно, что наступивший день вовсе не Судный, только золотозвенник отчетливо чувствовал: настоящей казнью станет именно прекращение этого мучительного разговора. Совсем скоро. И если он не успеет услышать...

Нет, он должен успеть совсем другое. Успеть сказать.

— Каждый, кто живет в этом мире, — человек. У демонов тоже есть свой мир. По крайней мере, должен быть, иначе бы они никогда не помогали бы друг другу. И не воевали бы между собой. Но их мир не здесь. Он где-то... в другом месте. Там, куда нет хода людям. А если мы вынуждены жить только здесь и сейчас, значит...

— Значит?

Он все еще не оборачивался, но узкая спина, казалось, натянулась струной в ожидании ответа.

— Значит, последнее слово в любом споре остается за человеком. И только за ним.

— Кажется, это называется верой? — предположил юноша с непонятной нерешительностью в голосе.

— Да. Я верю. В людей.

Сказанное было правдой только наполовину. А может, меньше чем на треть. Но в конце концов, даже если он мог верить всего двоим в целом свете, она пока еще оставалась с ним, вера. Безграничная. И необъяснимая настолько, насколько ей обычно полагается быть лишеной разумных оснований.

Темноволосая голова качнулась, то ли кивая, то ли смертельно устав находиться на шее. А потом прозвучало скучное:

— Вас ждут дела.

Керр растерянно приподнял брови, забывая, что его гримасу все равно не увидит тот, кому она предназначалась. И конечно, не сдвинулся с места.

— У вас ведь много дел? Так идите к ним. Они ждут, — повторил юноша.

— Одна минута ничего не решит, — упрямо возразил золотозвенник.

— Думаете? — Он все-таки обернулся и снова сверкнул взглядом. — О чем мы еще не поговорили?

— Что случилось в Катрале?

— То, чего вы и добивались. Ваши посланники обнаружили беглянку. Правда, их усилиями до нее стало добратся еще сложнее, чем прежде, но это и к лучшему.

— К лучшему?

— Вы, конечно, знаете, что она одержима демоном. Только вряд ли догадываетесь, в чем состояло желание этой женщины много-много лет назад.

Намек был неприкрытый, и все же не слишком ясный, чтобы быстро добратся до разгадки собственными силами, поэтому золотозвенник спросил прямо:

— В чем?

— Она хотела жить вечно, — улыбнулся юноша. — Надеюсь, теперь вы можете представить себе всю... ценность этой одержимой.

О да, Керр представлял. Сотни лет жизни означали сотни лет... знаний. Обо всем. О тех же демонах, к примеру.

— И вы говорите, что теперь до нее не добратся?

— Что, заманчивая цель? — подмигнули золотозвеннику. — Пусть таковой и остается. Вам она не нужна.

— Но если кто-то еще узнает о...

— Вы же верите в людей, верно? Так дайте им возможность сказать свое слово.

— Каждому? — удивляясь собственной дерзости, уточнил Керр.

— Почему бы и нет? — пожал плечами юноша. — А демоны скажут свое. Как сумеют.

— В одном и том же споре?

— Все, идите уже, идите! — Он взмахнул руками, словно прогоняя золотозвенника прочь. — Никто не умер, если хотите знать. Этого достаточно?

Керр поклонился, чувствуя, что почему-то просто обязан это сделать, и отправился обратно. Туда, где его возвращения ждал длинноносый и весьма нетерпеливый молодой человек. Наверное, ждал. В это, по крайней мере, очень хотелось верить. А даже если и нет...

Все свершилось так, как и было задумано. Но, как и всякое прошлое, оконченный разговор теперь не имел ни малейшего значения перед переминающимся с ноги на ногу будущим, которое вот-вот должно было получить приглашение войти в жизнь золотозвенника. В так и не прервавшуюся, но совершенно новую жизнь.

И сейчас...

Белое солнце в зените выгоревшего неба. Белые стены домов под бурой черепицей, растрескавшейся от монотонной бесконечной смены дневной лихорадки на ночной озноб и обратно. Лица, обтянутые кожей так плотно, что кажется: щелкнешь по ней пальцами — зазвенит. Впрочем, не жара в этом виновата. Разве только та, что скрывается в сердцах, мечтавших об отмщении и дождавшихся исполнения своей мечты.

— Властью, врученной мне...

Ее голос взмывает над площадью как птица, чтобы мгновением позже опуститься, накрыв всех присутствующих незримыми крыльями. Сильный, звенящий, как колокол, полный умиротворенной уверенности в правильном настоящем и праведном будущем.

Благороднейшая из благородных, блистательная Эвина Фьерде расцвела за прошедшие дни, как розовый куст. С чего вдруг? Она счастлива, вот и все объяснение. Счастлива тем, что обрела потерянное божество. Немногие мужчины смогли бы сейчас набраться смелости обратить на себя внимание некоронованной повелительницы Катралы, и всего лишь единицы дошли бы в своей дерзости до того, чтобы предложить женщине, вознесенной над толпой, спуститься вниз, на ложе, успешно уравнивающее всех в праве, дарованном нам от рождения.

Да, лишь немногие избранные. А я, вместо того чтобы завидовать или гордиться, смотрел на ту, что однажды по соб-

ственной воле разделила со мной ночь, и никак не мог понять, получил ли один из нас тогда хоть немного удовольствия.

Если бы пришлось вспоминать, легко назвал бы все места остановки своих пальцев во время путешествия по оливково-золотой коже. От первого до последнего. Припомнил бы все стоны, то ли тревожившие, то ли волновавшие мой слух. По минутам перечислил бы наши движения. Но даже самый искусный пыточный мастер не вырвал бы из меня признания о веренице чувств, наверняка неоднократно проносящихся по той спальне над нами и внутри нас.

Она достаточно красива и вполне умела, чтобы доставлять удовольствие. С виду. А кроме вида, у меня больше нет ничего общего с женщиной, стоящей на возвышении над помостом, где вскоре должно свершиться первое главное событие в жизни обновленного города: приговор и его исполнение.

Собственно, меня и привело на площадь перед кумирней только это.

Казнь. Смерть. Единственный доступный способ испытать сильные чувства. Ведь, в конце концов, подсудимый покушался на мою жизнь? Несомненно. Он враг, и я что-то должен почувствовать, когда его настигнет возмездие.

Надеюсь, что почувствую.

— Всем вам известны прегрешения стоящего здесь человека. И что же может послужить ему достойной карой?

Такие игры хороши, когда у судии есть возможность действовать по собственному усмотрению. Или когда осужденный преступник рассчитывает на снисхождение. А бывший верховный бальга, впрочем не лишенный пока своего багряного знака отличия и примелькавшегося всем горожанам черного как ночь одеяния, ничего не боялся и ничего не ждал.

Это было хорошо видно и по его лицу, уже запредельно равнодушному, и по расслабленным плечам. Наверное, если бы удалось заглянуть за спину Иакину Кавалено, я бы увидел и совершенно спокойно разжатые пальцы. Желал ли он умереть сегодня? Вряд ли. Но просить о помиловании или отсрочке казни не стал бы. Чтобы не давать повода для торжества своей давней противнице. Хотя... Ей больше не были нужны никакие поводы.

Обретение Катралой нового ийани прошло без меня, и слава Богу. Думаю, мне трудно было бы смотреть на коронацию или что еще здесь полагалось творить при восшествии демона на престол. Потому что мучительно было бы понимать: все те несколько дней, смешавшие воедино жизнь, смерть, любовь и ненависть, прошли зря. И шрамы, оставшиеся на телах и душах всех участников странного спектакля, были получены без толку.

Зачем меня притащили в этот пышущий страстями город на окраине Дарствия? Зачем вынудили вступать в сражения, то одно, то другое? Чтобы найти демона-беглеца, а потом благоговеино возвести его на престол?

Нет, не понимаю. И даже не вижу смысла пытаться понять.

— Смерть.

Одинокий голос посреди тишины. Робкий. Подрагивающий. Первая ласточка, за которой непременно последует воронье.

— Смерть!

Прошло не более минуты, а скандировала уже по меньшей мере половина площади. Вторая напряженно молчала, хотя сейчас ей следовало бы справиться с собственной гордыней и подыграть крикунам. Чтобы, к примеру, не оказаться следующей мишенью. А впрочем...

Рокот толпы все нарастал и нарастал, но оборвался мгновенно. По мановению руки женщины, покинувшей свое высокое место.

— Благодарю вас за изъявление вашей воли. И благодарю тех, кто отказался от права решать чужую судьбу. Все вы одинаково нужны Катрале и одинаково важны для нее. Каждый из вас выберет сам для себя свое будущее: с городом он двинется дальше или без него. Никто из вас не будет осужден, что бы ни решил. Но этот человек... — Эвина шагнула к блондину, без малейшего интереса наблюдавшему за колыханием людских лиц под помостом. — Ему я более не позволю решать ничего.

Должно быть, Иакин Кавалено повернулся к благороднейшей из благородных, задавая взглядом недоуменный вопрос: с моего места наблюдения такие подробности оставались незамеченными. Зато ответ прекрасно слышали все.

— Я могла бы казнить тебя. Могла бы сделать это собственными руками. — Длинный нож, выдернутый из ножен в складках юбки, недвусмысленно приблизился к шее блондина. — Но тебя ведь никогда не пугала смерть, ни своя, ни чужая. Было бы так просто подарить тебе такой же красный платок, какими твой отец некогда усеял улицы города...

— Так подари, — чуть рассеянно предложил бывший верховный бальга, и в его голосе мне почудилась надежда.

— Это был бы слишком грубый подарок, — улыбнулась Эвина и шагнула к краю помоста. — Я подарю тебе кое-что другое.

Неладное почувствовали все, начиная от блондина и заканчивая мною. Но сегодня на главной городской площади правил бал только один человек.

— Ты будешь жить. И будешь смотреть, как живут другие. Как счастливо цветет Катрала, вернувшаяся к истокам своего могущества. И тебе ни на минуту не позволят отвести взгляд!

Иакин Кавалено осознал уготованную ему участь, наверное, еще до того, как отзвучал приговор. Но только когда звон последнего слова затих над толпой, хрипло рыкнул:

— Ты веришь в это? Ты думаешь, что все эти люди прониклись тем же блаженством, что и ты, прислуживая демону? Ошибаешься! — Он повернулся к толпе: — Ну, кто таит на меня злобу? Кто хочет отомстить за смерть своих родичей и друзей? Милости прошу!

Блондин шагнул вперед. Шагнул слишком широко, чтобы оставаться на краю сколоченных досок. Шагнул туда, где еще мгновение назад не было видно и крохотного места, свободного от человеческих голов, а упал...

На брусчатку.

Люди расступились. Поспешно разошлись в стороны и дружно отшатывались, едва Иакин Кавалено пытался к ним приблизиться. Должно быть, он повредил себе ногу при падении, а может, и другие части тела: со своего места я не мог разглядеть даже белобрысой макушки, хотя попробовал встать на цыпочки. Зато двигающуюся проплешину посреди толпы видел очень хорошо.

— Тебе не позволят отвести взгляд, — царственно повторила Эвина Фьерде и щелкнула пальцами, подзывая слуг.

Сказать, что я был разочарован, значило бы нагло солгать. То единственное, что в ближайшее время могло помочь вернуть прошлые чувства или хотя бы запалить искру новых, было у меня бесцеремонно отобрано. Да, я понимал, что назначенное наказание куда больше подходило верховному балге, собиравшемуся утопить в крови не один город мира, но это не утешало. Мне нужна была смерть, а не намеки на нее. Чистая, простая, искренняя...

Он выпрыгнул из тени подбалконного закутка и приглашающе поманил меня к себе. Правой рукой, потому что в левой держал нож.

Улица шириной в четыре шага. Близкие повороты с обоих флангов. Нависающий над головами балкон. Что можно предпринять?

Метнуться в сторону, за угол, один или другой, туда, откуда слышатся голоса людей и где нападающий всяко будет стеснен в своих возможностях.

Качнуться, повиснув на решетке балкона, и пустить в ход ноги.

Прижаться к стене, удерживая между собой и противником как можно большее...

Расстояние?

Нет. Оно мне не нужно. Не сейчас. Может быть, больше никогда.

Шагнуть навстречу, скользнуть по брусчатке так далеко вперед, как только сможешь. Оказаться настолько рядом с мутным лезвием, что оно следующим движением рассечет воздух всего лишь на волосок от твоего тела. Поймать чужую руку, отводя стальную угрозу чуть в сторону, но не слишком далеко. Обнять пальцы противника на рукояти так, чтобы они не посмели отпустить оружие, а то еще зазвенит ненароком, привлекая ненужных свидетелей. Сжать кулак и нанести удар.

В подбородок, чтобы тело вытянулось струной.

Под ребра, чтобы скрутилось в комок.

В скулу, чтобы...

А, неважно. Третий удар — уже куда достанешь.

— Достаточно?

Он кивнул, шумно выдыхая воздух, ненадолго задержанный болью в легких. Высвободил руку, сунул нож за голенище сапога и несколько раз сжал и разжал смятые моим прикосновением пальцы.

Я тоже вытолкнул застоявшийся воздух из легких и поправил капюшон куртки, под которым еще на площади прятал свои сивые пряди от взглядов зевак. Конечно, мое лицо тоже должно было быть им знакомо, но, разлученное с другой важной деталью, вряд ли могло обратить на себя пристальное внимание.

— А хорошо ведь, — глубокомысленно заявил Натти, нахлобучивая на рыжую голову шляпу, слетевшую во время поединка. — И хорошо весьма!

* * *

— Уверен?

Один узкий проулок сменился другим, но этот шел уже навстречу солнцу, и жаркие лучи ухитрились время от времени добираться до наших подбородков.

— А у тебя самого имеются сомнения? — чуть недоуменно спросил рыжий. — По мне, так все просто замечательно. И можно наконец заняться нашими общими делами.

Я мельком взглянул на стену, вдоль которой шел, и неожиданно замешкался на перекрестке двух совершенно противоположных мыслей.

С одной стороны, хотелось шагнуть ближе, почти прижаться к желтоватой каменной кладке, то ли прикрывая спину от внезапной атаки, то ли намереваясь мгновение спустя оттолкнуться и, может быть, взлететь на нависающий над макушками балкон. Но в то же время любое приближение к неподвижному и непреодолимому предмету резко сократит количество действий, которые можно предпринять в случае нападения или защиты.

Так где же я должен оказаться, если обстоятельства требуют?

Ближе?

Дальше?

Понятно, что решение обязательно пришло бы само собой, возникни необходимость вообще что-то решать, но эта

постоянная и мучительная неопределенность меня тревожила. Вот уже десять дней кряду.

— Не молчи.

— Я не молчу. Я подбираю слова.

— А зачем ты их ронял? — невинно распахнул глаза Натти.

Конечно, он шутил. Слава Богу, шутки от насмешек я отличать не разучился. И даже отлично помнил, что эта была далеко не первой в мой адрес. Но, Боженка меня подери, как я относился к ним раньше? Сейчас лишь виновато улыбнулся в ответ. А тогда, в прошлом? Точно знаю: все было иначе.

Хуже?

Лучше?

— Думаю, ты поймешь. Должен понять. Все это... не совсем я.

— Продолжай! — азартно поощрил рыжий.

— Я никогда не действовал так. В таком духе. Наверное, потому, что не умел. Меня всю жизнь учили другому поведению в подобных обстоятельствах, а теперь...

Он перебил несмелое признание, казалось чуть задохнувшись от волнения или другого похожего чувства:

— Появились новые умения?

— Да. Они кажутся моими собственными, родными, я могу их применять, и ты даже говоришь, что успешно, но...

Мои пространные объяснения оборвали коротким и самодовольно уверенным объяснением:

— Печать демона.

Я не имел ни малейшего понятия о том, что скрывают за собой эти два слова, но по спине, навстречу струйке пота, вдруг начал подниматься к загривку тревожный холодок.

— Печать?

— Правильнее было бы называть это свойство «отпечатком», но тогда звучало бы не так таинственно, — подмигнул Натти. — Не переживай, ты не первый и не последний. Такое встречается. Иногда.

Заключительное слово было произнесено с той нарочитой небрежностью, которой обычно сопровождаются разговоры об очень важных, но неприятных вещах.

— Оно проходит?

В ответ рыжий старательно спрятал свой взгляд от моего, благо шляпа позволяла сделать это легко и просто.

— Когда демон попадает в человеческое тело... Раньше считали, кстати, что только в душу. Знаешь, я догадывался, что все происходит немного не так, как меня учили, а та бри-тоголовая только подтвердила. Они вовсе не бесплотны и, оказываясь внутри, начинают нас менять.

— По своему подобию?

— Хороший вопрос, — многозначительно отметил Натти. — Если по своему, то, значит, и сами они похожи на нас. В том мире, откуда приходят. Но речь не об этом. Демон меняет человеческое тело, только если исполняет желание. Вон те же Сосуды могут годами носить в себе сотни демонов и при этом ничуть не меняться!

— А ты?

— Что я?

— В тебе тоже есть демоны. Они исполняют твои желания, разве не так?

— Исполняют, конечно. Но я никогда ничего не желаю всерьез и надолго. — Он щелкнул пальцами по краю капюшона, сталкивая плотную ткань с моего лба. — Как и ты делал, до недавнего времени.

— Уходишь от ответа.

— Ну если и уйду, то совсем немножко. Изменения в моем теле обратимы. Когда нужда в демонических силах пропадает, все возвращается на свои места. Этому можно научиться, поверь. Но этому нужно учиться, — добавил он, выделяя интонацией слово «нужно».

В прошлом рыжий очень редко говорил мне правду. Впрочем, будто бы и не врал никогда, даже если того заманчиво требовали происходящие события. Единственное, что я уяснил, познакомившись со странным человеком, играющим в непонятные игры: каждое его слово могло оказаться истинной. И услышанное сейчас как раз претендовало на эту непростую роль.

Учиться, значит?

— Постой. Хочешь сказать, желание не обязано быть одним-единственным? И у каждого человека есть шанс исполнить снова и...

Ладонь Натти плотно прикрыла мои губы.

— Я бы попросил тебя забыть все услышанное. Сразу и навсегда. Если бы это было возможно. Скажу только: это моя тайна. Понимаешь? И она должна остаться моей.

Он мог бы просто промолчать, посмотрев мне в глаза. Впрочем, за предостережение, произнесенное вслух, я, пожалуй, был даже благодарен.

Вот она, самая страшная тайна даров ийани. Или да-йинов, как их называют поближе к столице. Посвященных приучили думать, что лишь по счастливому стечению обстоятельств и благодаря неимоверно сильной жажде исполнения мечты можно добиться желаемого. Один раз за всю жизнь. А выходит, все совсем наоборот. Нужно только наловчиться желать особым образом, и к твоим услугам будут все демоны мира!

Разумеется, это знание не должно стать общим достоянием. Потому что синих искорок на всех тогда уж точно не хватит. А еще потому, что достаточно появиться одному человеку со множеством желаний, и наступит хаос — это я могу утверждать на собственном опыте. В течение любого дня по моему сознанию проносилось совсем недавно столько желаний, что, научись я их исполнять, мир вокруг меня встал бы с ног на голову и вертелся бы волчком, пока...

Пока не разобьется.

И разве я один такой из многих тысяч человек, населяющих Дарствие? Сомневаюсь. Думаю, есть мечтатели намного изобретательнее. Наверное, среди них даже найдется тот, кто сможет пожелать...

— Это великая сила.

— О чем и говорю, — хмуро подтвердил Натти.

— А если вложить ее в руки особого человека? Вернее, человека с особыми желаниями?

— Например?

— Ну... Я не задумывался нарочно.

— А стоило бы.

Мысленно я согласился попробовать. Подумать. Обязательно. А пока предположил первое, что пришло в голову:

— Он мог бы пожелать, чтобы мир стал лучше.

Рыжий совсем остановился, причем проследив, чтобы поблизости от места нашего разговора не виднелось окон и дверей, и сдвинул шляпу на затылок.

— Что значит «лучше»? По-твоему, этот мир совсем плох?

Не надо было давать волю фантазии. К сожалению, я понял это только сейчас, услышав вопрос, на который ответа у меня попросту не было и не могло появиться, пока заново не научусь разбирать, какая ерунда из происходящего представляется мне хорошей, а какая — плохой.

— Не повторяй чужих слов, если не понимаешь их смысла.

— Извини.

— Что тебя вообще надоумило так сказать?

Он был удивлен не на шутку. Даже встревожен. И я попробовал его успокоить:

— Само собой всплыло.

— Всплывает обычно... Ну да ладно. Тебе подумалось, что, если научить кого-то достойного многократному исполнению желаний, все вокруг сразу станет хорошо?

Хорошо. Или хотя бы правильно. А еще можно будет пресекать все неприятности до того, как они вознамерятся случиться.

— Что-то в этом роде. Неправильно думаю?

Натти отвел глаза и совершенно серьезно сказал:

— Правильно.

— Тогда почему...

Я осекся, не закончив вопрос. Но ответ все-таки получил:

— Почему никто за все эти столетия не пожелал ничего стоящего? Потому, что все мы люди. И исполненные желания несут в себе отражения нас самих. Но не только нас. Понимаешь?

Да, демоны тоже вносят свою лепту. И еще неизвестно, кто больше участвует в воплощении мечты в реальность. Мой опыт подтвердил: все возможно. Но, пожалуй, я больше не рискнул бы проверять, насколько далеко способны завести желания. Особенно искренние.

— Со мной случилась та же беда?

— Она самая.

— Но ведь теперь демона во мне нет. Почему же тогда...

— Изменилось твое тело, исполняя желание. Изменилось то, что находится здесь, здесь, наконец, здесь. — Палец рыжего поочередно указал на мои ноги, руки и голову. — Отпечаток всегда остается после извлечения. Другое дело, что от

силы желания зависит глубина проникновения. Легче всего тем, у кого и желания-то ничтожные: почти не замечают изменений в себе.

Конечно. Если хотелось чего-то неясного, и результат будет смутным. Может, вовсе неощутимым. Но меня волнует совсем другое:

— И все же это проходит?

Натти качнул головой:

— Мне такие случаи неизвестны.

Я ждал этого ответа. Как осужденный ждет приговора, о содержании которого легко догадаться заранее. От первого и до последнего слова.

— Отпечаток мешает тебе?

Если не считать того, что мир внутри меня кажется навечно разделенным надвое...

— Не смертельно.

— Я бы хотел тебе помочь. Правда. Не знаю как. А может, и не умею.

— Ничего. Справлюсь.

— Надеюсь, — чуть неуверенно сказал рыжий и тут же, видимо, чтобы избежать дальнейших расспросов, сменил тему: — Ходил смотреть на казнь?

Странный вопрос. Застать меня врасплох в переулке, выходящем с главной площади, мог только тот, кто знал, откуда и куда я иду.

— Казнь не состоялась.

— И это тебя огорчило?

Теперь он спрашивал настойчивее, чем прежде, словно моя сегодняшняя прогулка имела некое особое значение. Впрочем, врать все равно было ни к чему.

— Да.

— Хотел увидеть его кровь?

— Не отказался бы.

— Могу провести тебя к нему.

— Зачем?

— Отомстить. Поквитаться. Или как там еще это обычно называется? Будет несложно.

Я посмотрел прямо в карие глаза, то ли и впрямь ничего не понимающие, то ли наигранно невинные.

— Поможешь его убить?

— Ну да. Если тебе нужно. Ты же хотел увидеть его смерть, да?

Наверное, никто и никогда не получал такого дорогого и совершенно бесполезного подарка. Захотелось смачно выругаться и одновременно скорбно вздохнуть.

— Хотел. Увидеть.

— Так пошли.

— Увидеть. Не убивать.

— Хм. — Он о чем-то недолго подумал и кивнул. — Хорошо, сам все сделаю.

Чудеса продолжались, но мир, полный такого услужливого волшебства, меня почему-то не радовал.

Наверное, мне нужно было слишком многое. Или вовсе не то, что с таким рвением предлагали. Легко было представить, как бывший верховный бальга корчится на полу камеры, истекая кровью, но эта картинка даже в воображении не вызывала ни малейших чувств. Независимо от того, чья рука нанесла смертельный удар.

Я прислонился спиной к стене дома.

Раздвоение не ослабевало, а, напротив, усиливалось. Меня тянуло раскрыться навстречу обстоятельствам, раствориться в них, а потом попытаться собрать себя заново, сначала, непременно ошибаясь и тщательно исправляя ошибки. И в то же время мне отчаянно требовалось что-то вроде кокона, в котором можно спрятаться, отгородиться от любого проявления внешнего мира, закрыться, закрыть хотя бы глаза...

Я сполз по стене вниз. На корточки. Спрятал лицо в ладонях.

Спокойнее, конечно, не стало, но по крайней мере одна половина меня получила небольшое удовлетворение. Надеюсь, не самая главная.

— Тебе плохо? Ну да, конечно, «глотка» ведь больше не действует... — Натти присел рядом и деловито принялся советовать: — Постарайся дышать коротко-коротко, так, чтобы воздух не проходил глубже рта. И очень быстро. Видел, как собаки спасаются от жары? Примерно так же попробуй делать.

— Мне не плохо. То есть мне плохо, но по другой причине. Жара тут ни при чем.

— Вот теперь ты меня точно напугал! — признался рыжий. — А ну, рассказывай!

Откуда-то пришли обрывочные воспоминания о том, что раньше я бы ни за что не стал посвящать настырного собеседника в свои сокровенные переживания. Пришли и ушли обратно, ничего не объяснив. Наверное, я не доверял Натти. Но почему? На этот вопрос ответа в памяти не сохранилось.

— Я странно себя чувствую.

— Есть боли? Головокружение?

— Ничего похожего. Это другое. Совсем. Я хорошо помню все, что произошло. Помню прошлые события, достаточно давние. Ну как все помнят. Но я... не знаю, как к ним относился.

— В смысле? — опешил рыжий.

— Взять хотя бы Эвину. Мы с ней...

— Провели ночь, — услужливо подсказал Натти.

— Скорее, утро. Неважно. Я помню все, что мы делали. До последней детали. Но я не знаю, понравилось мне это или нет!

— Э-э-э... — Он почесал кончиком пальца висок. — То есть как?

— Чувств не осталось. Совсем. И не только по отношению к ней. Собственно, я хотел увидеть казнь, чтобы... Не получилось. И да, спасибо за предложение помочь.

— Неужели Андара напортачила? — задумчиво спросил себя рыжий. — Быть того не может. Я бы заметил, если бы что-то пошло не так.

— Ты не виноват. И та бритоголовая тоже. Вообще никто не виноват. Я сам все так сделал.

Карие глаза округлились.

— Сам?

— Когда демон исполнил желание и мы стали единым целым, был момент, когда он... Захотел взять верх. А я испугался. Или заупрямился. В общем, неважно. Я дрался и победил. Загнал его в клетку. Вот только на ее строительство как раз и ушли все чувства, которые у меня были. Знай я заранее, что случится, не стал бы ими жертвовать. Лучше бы умер.

— Почему?

Я поднял взгляд вверх, к раскаленному голубому небу над крышами Катралы.

— Потому, что сейчас я смотрю на весь этот мир и не понимаю, зачем он мне нужен.

* * *

В доме верховного балги было пусто и тихо, в точности так, как при хозяине. К чести жителей города, никто из них даже не помыслил разграбить или разрушить строение, напомиравшее о малоприятных событиях прошлого и настоящего. Может, потому, что грабить было толком нечего, а может, попросту побрезговали прикоснуться к камням, хранящим следы дыхания человека, ненавидящего демонов. В любом случае меня сумрачный покой ничуть не беспокоил, Натти и вовсе отсутствовал в городе долгое время, вернувшись только сегодня, а Лус, вернее, демон, занявший девичье тело, дни напролет проводил с новоиспеченной правительницей Катралы. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Чтобы дать начало чему-то другому.

— Так и жил здесь? — спросил рыжий, окидывая взглядом унылую комнату.

— Угу.

— А постельки получше не нашлось? Уверен, хозяева спали куда как слаще.

— Не поверишь: даже не искал. К тому же это ты мне выбора не оставил.

Натти негодуяще плюхнулся на кровать:

— Я?!

— Сбежал тогда из дома того старика. Вот и пришлось брать что дают. Скажи хоть, почему сбежал? А то буду думать дурное.

— Думай-думамай, — разрешил Натти. — Думать — дело полезное. Надо было отлучиться. Ненадолго, но в такое местечко, где меня никто не видит и не слышит. Чтобы своим демонам очередную колыбельную спеть. Я на рассвете вернулся, и зрелище, надо сказать, передо мной предстало пугающее.

— Только не говори, что волновался за меня. Не поверю.

— А чего было волноваться? — Он растянулся на постели во весь рост. — Труп твоего видно не было, значит, нашел способ выторговать по крайней мере несколько дней жизни.

— И выручать меня не собирался.

Я не спрашивал, и он не стал отвечать. Только проворчал:
— Лучше себя самого все равно никто никогда не выручит.

Истинная правда. Весь опыт моей службы сопровождателем это подтверждал. Ведомые, полагающиеся только на тех, кто стоит у них за спиной, очень часто заканчивали жизнь намного раньше предписанного срока. Погибали. По собственной беспечности. Потому что защитить можно лишь того, кто сам заботится о своей защите.

Ну и хватит об этом.

— А сейчас где пропадал?

Рыжий утомленно прикрыл глаза:

— Навещал столицу.

Десять дней на дорогу туда и обратно? Вполне достаточно, если пользуешься порталами. Правда, вряд ли человеку, выступившему чуть ли не против всей Цепи одушевления, позволили воспользоваться обычными средствами перемещения. А это значит...

Я внимательно взглянул на лицо Натти.

Морщин не было. Новых уж точно. А те, что бороздили кожу еще совсем недавно, разгладились до почти неприметных линий.

— И как это тебе удалось?

Он удивленно нахмурился, но быстро сообразил, что я имею в виду, и зевнул.

— Легко!

— А в прошлый раз...

— Тащить кого-то, да еще издалека, намного труднее, чем самому прыгать по порталам, — пояснил Натти. — Поэтому в команде обычно не меньше трех «маяков»: втроем как раз справляются без особого утомления. А я один тогда, скажем так, немного надорвался. Но сейчас уже все в порядке. И моих сил вполне хватит, чтобы...

Она вошла без предупреждения. Не подумала постучать костяшками пальцев о косяк или хотя бы кашлянуть. Для юной девицы, воспитанной в строгих правилах, такое поведение выглядело бы вопиюще непозволительным. Если бы вошедшая, конечно, была только девицей, а не носила заодно в своем теле непонятно чей, но совершенно точно мужской дух.

Да и серо-желтая рубашка на Лус была мужской: в доме бальги женщинам полагались исключительно темные одежды, а сейчас выход на улицу в подобных цветах мог бы стать самоубийственным. Хоть жители Катралы и пребывали в радостном настроении по поводу воцарения нового демона на старом престоле, раны, нанесенные бальгерией, обещали зарасти шрамами ох как нескоро.

— Мерзкая жара! — Девушка стянула с головы кружевную накидку и взмахнула ею, как веером, пытаясь всколыхнуть стоячий воздух комнаты. — И как здесь можно жить?

— А мы и не живем, — сказал Натти, подкладывая руки под голову.

— Ну да?

— В моей... — начал было рыжий, но, мельком взглянув на меня, поправился: — В нашей вотчине лето гораздо приятнее. Да и зима тоже.

На лице Лус отразилось сомнение.

— И снег бывает?

— Иногда столько нападает, что думаешь: лучше бы его вовсе не было.

Демон присел на край кровати, задумчиво морща лоб.

— Значит, это большой мир?

— На размеры не жалуемся, — подтвердил рыжий.

— А есть в нем места, где люди не живут, потому что там нельзя жить?

— Сколько угодно.

Брови Лус сдвинулись, превратившись в единую прямую линию.

— И нет почти никаких отличий... — прошептали чуть подсохшие на солнце губы.

— Отличий от чего?

Черты девичьего лица напряглись, становясь непривычно жесткими, но тут же расслабленно оплыли, возвращая облику Лус прежнее невинное очарование.

— От моего мира.

За все десять дней, прошедшие с мига разделения, нам троим еще не выпадал шанс спокойно посидеть вместе и поговорить о важных вещах: слишком много нашлось дел у каждого. Натти шатался в неведомых далях, я привыкал к своему нынешнему состоянию, демон дневал и ночевал над

ворохом бумаг. Но что самое странное, никто из нас даже сейчас не стремился к обстоятельному разговору, словно не желал знать ничего сверх уже известного. Словно несколько новых подробностей могли стать препятствием на намеченном пути.

К чести демона, он набрался решимости первым:

— Мы живем в таком же мире, как вы. Выглядим так же. Думаем, поступаем, ошибаемся. Вы, попав туда, не увидели бы ничего нового и непонятного. Кроме одного. В нашем мире повсюду творятся чудеса.

— Какого рода? — деловито спросил рыжий.

— Разного. Можно летать, можно делать что-то из ничего, из полнейшей пустоты. Можно исцелять смертельные раны или вообще жить вечно. Многое можно. Только такая способность дорого стоит.

— Требуется жертва?

— Да.

— Кровавая?

Со стороны могло показаться, что Натти подшучивает над да-йином. Но я, наслушавшись рассказов о том, какое обучение проходят охотники на демонов, видел за его насмешливыми вопросами совсем иное. Он искал что-то по-настоящему общее для обоих миров. Наверное, чтобы точнее понять, почему они когда-то впервые соприкоснулись между собой.

Личико Лус брезгливо сморщилось, но белокурая голова кивнула:

— Не без этого. Хотя кровь льется нечасто. Не чаще, чем здесь. Мой мир наполнен волшебством до краев, только обычный человек не может им пользоваться. Попробуйте представить: вокруг вас снуют чудеса, любые, какие только можно вообразить, но вам не под силу до них дотянуться.

Не знаю, кто как, а я себе это представлял. Легче легкого. С тех самых пор, как исполнил чужое желание, старательно притворившееся моим.

— А однажды вдруг оказалось, что к волшебству все же можно прикоснуться. Правда, для этого нужно на время покинуть свой мир, чтобы оказаться в вашем. И те, кто возвращался обратно, сами становились чудом. Обретали власть над внутренними и внешними стихиями.

— Всемогущие обычно пробуют установить свой собственный порядок, — заметил рыжий. — И он вряд ли должен прийтись по вкусу всем остальным. Но тогда ваш мир погряз бы в бесконечных войнах, уничтожая себя, а поток синих звезд по-прежнему не иссякает.

— И не иссякнет, — вздохнул демон. — Потому что мы живем спокойно и... скучно.

— Скучаете от чудес?

— Те, кто возвращается и получает волшебную силу, перестают что-либо желать. Они становятся своей же бледной тенью, годной на то, чтобы делать великие вещи, но не видящей в них ровным счетом никакого смысла. Прочие люди сторонятся их. Ненавидят. Боятся. А иногда пытаются помешать возвращению беглецов. — Он рассказывал монотонно, будто бы бесстрастно, вот только за каждым словом отчетливо звенел колокольчик печали. — Чтобы попасть в ваш мир, мы проходим через «врата мечты», вдыхая пыльцу с крыльев особой бабочки. Причем уходит только сознание, а тело остается. Оно не стареет, не умирает, всегда готовое принять хозяина обратно. И все же его можно уничтожить. Сжечь, к примеру. Много лет назад огневые бунты вспыхивали по всей империи... Потом их научились предотвращать. Но сотни, а может, и тысячи тел погибли безвозвратно.

— Значит, все эти души до сих пор находятся в нашем мире? — переспросил Натти.

— Если не пробовали вернуться. И если им повезло остаться, — осторожно добавил демон.

— Их имена есть на карточках?

Белокурая голова снова утвердительно качнулась.

— И конечно, с ними нет смысла говорить о возвращении?

— Думаю, что нет. Ведь им некуда возвращаться. Кого-то можно попробовать соблазнить возможностью обрести волшебство в родном мире, но эти... Не знаю, что с ними делать.

— Сделать выбор за них, что же еще? — И рыжий снова не шутил, хотя улыбался во весь рот.

— Убить? — выдохнули губы Лус.

— Или позволить им попасть в лапы бритоголовых. Третьего не дано, — подытожил Натти. — Мне это нравится не больше, чем тебе, но либо демоны уберутся восвояси, либо навечно станут добычей Цепи одушевления.

Он все говорил правильно. Если смотреть с того холма, на котором мы все стоим. А если подняться на соседний или спуститься в ложбинку...

— Либо Цепь откажется от своих намерений.

Два карих взгляда, странно похожих друг на друга, вонзились в мое лицо.

— Ты понимаешь, о чем говоришь? — грозно спросил Натти.

Еще минуту назад не понимал, а потом все внезапно разложилось по полочкам. Головоломка решила сама собой.

— Вполне. Можно уничтожить демонов. А можно разобраться с синими мантиями. По мне, так эти ягоды все на один вкус.

* * *

Он выволок меня в коридор, подальше от Лус, прижал к стене и хрипло проговорил, чуть ли не касаясь моих губ своими:

— Еще одно подобное предложение, и убийства в самом деле начнутся! С тебя.

Такого проявления чувств в исполнении Натти я не помнил. Ярость, смешанная с отчаянием, никогда не входила в число его спутниц, даже мимолетных.

— Не понимаю.

— Да все ты понимаешь! А если нет... — Рыжий вдруг скривился, как будто собирался всплакнуть. — Тебя стоит запереть. Покрепче. И навсегда.

В колодце памяти плеснулись картинки прошлого, как раз на тему «запереть». Комнаты без окон. Шипящие плевки факелов на каменный пол. Безжизненные лица стражников. Все это уже было со мной. Вот только что я чувствовал тогда? Страх? Отчаяние? Злость?

Возможно, это нужно повторить. Если хоть одно чувство сможет вернуться.

— Я сказал что-то не так?

Он отодвинулся назад, словно намеревался рассмотреть меня с ног до головы.

— Ты правда не видишь разницы?

— Какой?

— Между демонами и людьми?

Я честно попытался сравнить тех и других, вспоминая смесь ощущений, наполнившую меня после исполнения желания. Отличий не нашел, как ни старался.

— А разве она вообще есть?

— Должна быть. Для тебя — должна! — Последнюю фразу рыжий почти провыл.

Я попробовал еще раз, напрягая память, воображение и все, что еще оставалось при мне. А потом растерянно признался:

— Не вижу.

Натти прижался спиной к противоположной стене коридора, запустил обе пятерни в свою лохматую шевелюру и забормотал:

— Этого не может быть! И это все осложняет... Помощь понадобится в любой миг. Много помощи. Столько, сколько удастся заполучить...

Я догадывался, что мои невинные признания имели какое-то особое значение, раз так сильно расстроили рыжего, но, как ни силился, не мог понять причину его отчаяния.

Все ведь так просто. Есть демоны, не желающие или не способные убраться домой. Есть люди, которых надо оградить от опасности. И есть люди, которые могут переловить всех демонов. С корыстной целью исполнения своих личных желаний. Можно вышвырнуть демонов прочь, обрекая на окончательную смерть, а можно разрешить остаться, только для этого придется малость проредить ряды бритоголовых, искореняя особенно рьяных. Но и в том, и в другом случае придется уничтожить тела.

Человеческие. А значит...

— Смертей все равно не избежать. И гибнуть все равно будут люди.

Рыжий согласился, хотя и через силу:

— Люди. Да. Люди, понимаешь? Люди, не кто-то еще! Те, в ком сидит демон, уже не могут так называться!

— Почему? Ведь демона можно извлечь.

Натти тряхнул головой:

— Можно. Только не всегда. И не всегда безопасно. Думаешь, если бы я не ошивался рядом, Андара бы с тобой церемонилась? Да ни минуты! Выжала бы, как тряпку, и бросила.

Пока желание не исполнено, шансы есть. После... Проще убить, быстро и безболезненно.

В этом я не мог быть уверен, даже пройдя через процедуру извлечения. Да, боль была, но все участники остались в живых, стало быть, возможность вернуть все на круги своя существовала до самого последнего мгновения.

— И где же разница между ними? Ты сам постоянно признаешь, что многим синим мантиям не место среди живых. Ведь признаешь?

Он молчал долго. То ли безоговорочно сраженный моими доводами, то ли раздосадованный ими.

— Хорошо, попробуем поговорить по-другому. Люди и демоны — две армии, сражающиеся друг с другом. И те, кто впускает в себя да-йинов, переходят на сторону врага. Это понятно?

— А, хочешь сказать, что, какими бы ни были люди, их все равно нужно защищать?

Карий взгляд подтвердил мое предположение. Без слов.

— Просто потому, что они люди?

— Иначе нет смысла жить.

Да, смысла нет. Я слышу эти слова, но пока не чувствую их. Ни капельки. Наверное, нужно время. Много времени. Сколько лет мне понадобилось, чтобы расставить оценки? Полжизни. Неужели пройдет еще столько же, прежде чем я...

Смогу снова стать человеком.

Смогу ли?

— Прости.

— За что извиняешься?

— Мне трудно. Или, наоборот, легко. Не знаю. Ты говорил об армиях... Я готов воевать. Но обе эти стороны для меня на одно лицо.

— Я заметил, — скорбно признал Натти.

— Раньше было по-другому, я помню.

Он посмотрел на меня, напряженно о чем-то думая, и вдруг сказал:

— А знаешь, лучше забыть.

— Забыть?

— Да. — Рыжий решительно выпятил подбородок. — Забудь. Если прошлое не вызывает у тебя любви или ненависти

ти, значит, по-настоящему его и не было. Или оно случилось не с тобой.

Это было бы нетрудно, отставить воспоминания в сторону. Но среди них попадаются совершенно особые.

— А все то, что я умею? Тоже стоит забыть?

— Старое оружие выкидывают, когда им становится невозможно сражаться.

Прозвучало совершенно серьезно. Так серьезно, что заставило задуматься, правда, лишь на мгновение. Пока в конце коридора не возникла фигура Лус.

— Если вы надолго уединились, хоть скажите. Пойду тогда займусь чем-нибудь полезным.

— Не надо. Мы закончили.

— Уверены?

Я утвердительно кивнул, Натти тоже качнул головой, но скорее неопределенно, и задал встречный вопрос:

— У тебя-то все готово?

Демон пошелестел бумагой в объемистом кошельке:

— Старушка вспомнила достаточно много. Даже если сможем найти только половину, можно считать, затея удалась.

— Отлично! Тогда давайте посмотрим, с чего начинать.

Карту расстелили прямо на полу, потому что подходящего стола поблизости не нашлось. Работа и впрямь была проделана большая: на полувыцветших пятнах лесов, полей, рек и гор, там, где виднелись названия поселений, во многих местах темнели свежие чернильные пометки. Кое-где короткие, обозначающие только число, кое-где состоящие из нескольких слов. К своему удивлению, у надписи «Веента» я прочитал многозначительное: «Больше трех дюжин».

— И что, они на самом деле все там живут?

— Почему бы и нет? — пожал плечами рыжий. — Та, за которой мы сюда пришли, провела в столице не один год. И похоже, даже не один век.

— Не понимаю, как всех их до сих пор не выловила Цепь одушевления.

— Как, как... В любой цепи всегда найдется слабое звено, готовое на предательство. Хотя бы ради денег. Или ради того, чтобы заполучить силу демонов. Да мало ли может быть поводов? Простая обида способна сделать друзей врагами.

— Слабое звено, говоришь?

СОДЕРЖАНИЕ

ШАГ ПЕРВЫЙ	6
ШАГ ВТОРОЙ	49
ШАГ ТРЕТИЙ	88
ШАГ ЧЕТВЕРТЫЙ	135
ШАГ ПЯТЫЙ	209
ШАГ ШЕСТОЙ	260
ШАГ СЕДЬМОЙ	291
ШАГ ВОСЬМОЙ	333
ШАГ ДЕВЯТЫЙ	394
ПОСЛЕДНИЙ ШАГ К ПЕРЕКРЕСТКУ	439